

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Марк Липовецкий. Об этой книге</i>	8
Предисловие	13
Введение	22
<i>Сведения о писателе</i>	22
<i>Характер, направление и цель предлагаемой работы</i>	26
Главная особенность «Москвы — Петушков»	26
Публикации о «Москве — Петушках»	27
О понятии «цитата» и «цитирование» в предлагаемом исследовании	28
Классификация цитат в «Москве — Петушках»	31
О некоторых проблемах и особенностях исследования	34
Цели исследования	37
Несколько предварительных замечаний	39
 <i>Глава первая. Принц Гамлет на пути в Петушки</i> <i>(анализ текста)</i>	
Вступление	42
1. Созерцание	44
<i>Расколотый мир Венички Ерофеева</i>	44
<i>Тема смерти</i>	46
<i>Утренний маршрут</i>	53
2. Опохмеление	66
<i>Социальная изоляция героя</i>	66
Веничка Ерофеев и толпа в вагоне	69
Веничка Ерофеев и «венцы творения»	71
Веничка Ерофеев и коллектив общежития	73
Веничка Ерофеев — бригадир	77
<i>Характеристика героя, его личной жизни</i> <i>и мироощущения</i>	90
Лишний человек	91
Философский тип	93

«Святой»	100
Юродивый	101
Сын	104
«Песнь песней» Венички Ерофеева	109
Доказательства Бытия Божия	116
Образ мира, явленный в коктейле	123
3. Пьянство	130
<i>Социальное общение героя</i>	130
<i>Жизнь, пьянство, творчество</i>	132
<i>Symposium</i>	145
<i>Странствия Венички Ерофеева</i>	153
<i>Встреча с контролером Семенычем</i>	160
4. Алкогольная горячка	166
<i>Сны, пробуждения и галлюцинации</i>	166
<i>Два мира — одна реальность</i>	187
<i>Смерть героя</i>	189

Глава вторая. Смех и слезы Венички Ерофеева

Тематическая композиция «Москвы — Петушков»	196
Время и пространство в «Москве — Петушках»	201
Театр «антимира»	204
Стилистические особенности «поэмы»	210
Жанровые особенности «поэмы»	217
Роль и функции различных областей цитат	224
Заключение	231
Библиография	232
Указатель имен	238

ПРЕДИСЛОВИЕ

Весной 1970 года я приехала в Москву. В первый же день Василий Моксяков¹, друживший с Владимиром Муравьевым и знавший Венедикта Ерофеева, дал мне самиздатскую перепечатку только что появившихся «Москвы — Петушков» со словами: «Прочитай, это гениально». Вечером я взяла в руки первую страницу и не могла оторваться от текста. Прочитав его за несколько часов и дойдя до конца, я поняла, что книгу необходимо перечитать второй раз, что и сделала на следующий день. Вернувшись в Ленинград, я без конца и с восторгом цитировала текст своим друзьям.

Через тринадцать лет в прекрасном доме над Женевским озером я обсуждала тему диссертации с моим будущим руководителем, профессором Лозаннского университета Роббином Кембаллом. Специалист в области русской поэзии, автор фундаментальной книги об Александре Блоке, Кембалл обожал Марину Цветаеву и раскинул передо мной веер связанных с ее творчеством тем, которым я могла бы посвятить ближайшие годы. Я вынула из сумки купленный в Париже экземпляр «Москвы — Петушков». Кембалл очень удивился, но согласился прочитать книгу.

Через неделю, когда я опять появилась, в доме цвели улыбки. Текст Венедикта Ерофеева очень понравился профессору, но оказалось к тому же, что его польская жена уже слышала о нем от своих детей. «Москва — Петушки» были переведены и чрезвычайно популярны в польской диаспоре, и я была

¹ Моксяков Василий Михайлович (1944–2020) — поэт, диссидент и переплетчик старинных книг.

глубоко тронута, когда молодые поляки, собирая средства на «Солидарность», решили поставить в Берне спектакль по книге русского писателя и попросили меня о консультации.

Под посаженной Кембаллом рябиной («Но если куст мне встретится, / Особенно рябина...») тема моей диссертации была утверждена. При этом мой руководитель честно сказал: «Я не смогу вам много помогать с такой темой». В глазах его светилось удовольствие. Культурнейший англичанин из богатой семьи, в совершенстве знавший несколько языков и прекрасно владевший русским, он признался мне в одну из наших первых встреч: «Война все изменила. В моей семье я был первым поколением, которое вынуждено было начать работать. Я с этим так и не смирился».

Я приступила к работе над диссертацией, превращенной позднее в первое издание этой книги, в конце 1983 — начале 1984 года.

Интернет в то время могли вообразить себе только фантасты, Google был непредставим, на месте персональных компьютеров стояли пишущие машинки «с головками»: для каждого языка своя головка, вставлявшаяся по мере необходимости. Я приобрела русскую, немецкую, французскую и английскую головки. Для итальянских текстов я бегала на факультет итальянского языка и литературы, где печатались нужные строчки.

В то время Венедикт Ерофеев был известен в Советском Союзе сравнительно узкому кругу столичных и университетских интеллектуалов. На Западе его знали в эмигрантских кругах, благодаря публикации «Москвы — Петушков» в израильском журнале «АМИ», но главное — по парижскому изданию YMCA-press 1977-го, а потом 1981 годов. И, как совершенно верно написал Зиновий Зиник¹, считали остроумной, даже блестящей шуткой алкоголика — не более.

Для меня это была очень одинокая работа. Русская филологическая среда в Швейцарии практически отсутствовала. Лишь немногие западные слависты знали текст. На конференциях, спросив меня о теме исследования, собеседники

¹ Zinik Z. After the Third Glass. P. 19.

быстро находили для общения специалистов в более достойных областях. Американская славистка, читавшая книгу Ерофеева, решительно объявила мне, что есть книги, достойные написания монографий или диссертаций, — но «Москва — Петушки» к ним не принадлежит. Я ее мнение проигнорировала. Я встретила бы больше интереса в среде русской филологической диаспоры в США, где уже появились первые публикации о книге, но между нами был океан.

Главной проблемой оказался поиск информации для ссылок. С русскими книгами особой проблемы не было. Зная, что процитирована строчка из стихотворения того или другого автора, я не всегда помнила начало стихотворения, и нужно было пролистать целый том стихов, что я делала с радостью и удовольствием, хотя определить заранее, сколько времени на это понадобится, было невозможно. Куда труднее обстояло дело с западной литературой. Найти, например, издание Рабле по-русски было в Швейцарии невозможно. Поэтому я, отыскав во французском издании точное место, посылала заказное письмо (иначе почта не всегда доходила) со всеми данными своему другу, работавшему в Публичной библиотеке в Ленинграде, а он тоже заказным присылал мне точную цитату и данные для сноски. Этот же метод использовался и с другими авторами.

Иногда случались курьезы. Прочитав в «Москве — Петушках» про Шиллера, вдохновлявшегося шампанским для написания трагедий из пяти актов, я стала искать источник. На факультете германистики я обнаружила несколько биографий Шиллера, четыре по-немецки, одну по-английски и одну по-итальянски. Я добросовестно пролистала их на предмет шампанского. Не найдя там ничего относящегося к интересующему меня напитку, я отправилась к очень известному ученому-германисту профессору Карлу Песталотци. Потомок знаменитого педагога и высоких санов протестантской церкви, проф. Песталотци был человеком необыкновенно доброжелательным. Он выслушал меня с веселым изумлением. «Сомневаюсь. Откуда бы у Шиллера деньги на шампанское?» — сразу сказал он мне. Я подтвердила, что именно эта мысль меня особенно смущала.

Профессор Песталоцци предложил написать своему другу и коллеге — крупнейшему специалисту и директору центра Шиллера в Германии. Через пару недель он, улыбаясь, передал мне ответ: «Откуда деньги?» Никаких указаний на потребление Шиллером шампанского найти не удалось. Как впоследствии указал Эдуард Власов, цитата происходит из биографии Шиллера, написанной Л. Я. Лозинской для серии «ЖЗЛ». Я читала в детстве эту биографию, но факта с шампанским моя память не удержала. Теперь все становилось на свои места. Шиллер, как и все немцы, любил рейнские шипучие вина, дешевые, легкие и вкусные. В те времена их часто пили вместо воды или разбавляя ею. Но для советского человека любое шипучее вино было «шампанским», «Советским» от сухого до сладкого, а после падения нерушимого союза — переименованным в «Российское», «Абрау-Дюрсо», «Цимлянское» и другие марки с теми же деноминациями. Существование французской провинции Шампань с ее фирменными напитками игнорировалось. Так «шампанское» вошло в биографию Шиллера. Я же, вкусив «Вдовы Клико», после нескольких лет жизни на Западе так глубоко усвоила разницу, что не сообразила вовремя, в чем дело.

Исследование очень увлекало меня, и я упорно искала ключи к понимаю текста, который так поразил меня при первом же прочтении и в котором я чувствовала еще не раскрывшуюся мне глубину.

Через три с половиной года в актовом зале Лозаннского университета в присутствии публики и комиссии из пятнадцати лозаннских профессоров я рассказывала о путешествии советского алкоголика из Москвы в неведомые им Петушки. После четырех часов нелегкой, но очень успешной защиты я получила докторскую степень. Когда мы с друзьями пошли поспрашивать в ресторане, оказалось, что со мной от напряжения пережитых часов что-то случилось — я совершенно не могла глотать. Немедленно была заказана бутылка водки, чем мы совершенно потрясли персонал ресторана. Обычные посетители иногда выпивали маленькую рюмку водки как дижестив после ужина. Мы выпили за вечер три бутылки, уничтожив месячный запас ресторана.

Когда я однажды впоследствии забежала туда перекусить, мне было почтительно объявлено, что денег с меня не возьмут — ресторан угощает.

Через неделю я вернулась в Базель, основное место своего проживания. В почтовом ящике я нашла два официальных письма. Одно было из банка, спрашивавшего, хочу ли я закрыть счет: на счету оставалось 104 швейцарских франка, а счетов, где держалось бы меньше 100 франков, банк не признавал. Во втором был *imprimatur* — рекомендация Лозаннского университета на напечатание диссертации с сообщением, что университет возьмет на себя все расходы по изданию книги. Такая необычная щедрость навела меня на мысль, что университет решил компенсировать мне решение не платить аспирантскую стипендию, что чрезвычайно осложнило мою жизнь в период написания диссертации. Я была очень обрадована и благодарна. Позвонив в известное издательство Peter Lang в Берне, я договорилась, что пришлю им *imprimatur*, и спросила, что от меня требуется. Они хотели готовый для публикации экземпляр книги и настоятельно советовали мне печатать его на компьютере. О покупке не могло быть и речи, персональные компьютеры начали появляться, но их цена была очень высокой.

Я отправилась в Биологический центр Базельского университета, где был оборудован зал с тридцатью компьютерами. Для напечатания русского текста нужно было вводить в компьютер специальный диск. Усевшись, я нажала ближайшую кнопку компьютера, и передо мной загорелся экран. Я некоторое время смотрела на него с радостью, потом встала, спустилась к телефону-автомату, позвонила в Женеву и спросила моего друга, единственного среди моих знакомых обладателя персонального компьютера Томаса Лахузена: «Что делать дальше?» Но постепенно все устроилось. В центре было много молодых биологов, часто ожидавших завершения своих экспериментов («У нас там мухидохнут», — меланхолично объяснил мне один из них), и они с веселой радостью помогали мне осваивать чудо электроники. Купив несколько экземпляров «Москвы — Петушков» в немецком переводе, я подарила их своим новым друзьям.

Через несколько месяцев, когда текст был напечатан, возникла новая проблема: в Биологическом центре на все компьютеры приходилось всего два больших принтера. Русскому языку они обучены не были и печатали каждую страницу моего текста как картинку, что занимало примерно пятнадцать-двадцать минут. О том, чтобы печатать днем, не могло быть и речи, я бы всех блокировала. Последующие месяцы я приходила в Биоцентр к одиннадцати вечера и печатала часов до трех-четырёх ночи, после чего с очередными двенадцатью-пятнадцатью страницами мчалась по улицам Базеля домой поспать перед работой.

Постепенно ночная жизнь базельского Биоцентра приобрела новые и неожиданные черты. Узнав, что я буду продолжать печатать каждый день, естественники проявили инициативу. Войдя однажды к ночи в большой зал, я увидела на свободном от компьютера столе бумажную скатерть, на которой были разложены бутерброды и стояла парочка бутылок вина. Собрание будущих звезд швейцарской науки читало вслух «Москву — Петушки». Я вносила комментарии, таким образом ознакомив присутствующих с широкими пластами русской и мировой культуры. Все очень сожалели, когда я допечатала последнюю страницу книги, так что банкет затянулся до раннего утра. По домам нас развозило такси.

Книга вышла весной 1989 года. Отклика не было почти никакого. В Лондоне появились две рецензии, остальной мир молчал. Так продолжалось примерно до 1993–1994 годов, когда ко мне стали подходить молодые коллеги и аспиранты, прочитавшие книгу. К тому времени шедевр Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» вошел в западные университетские программы для аспирантов, книга моя была раскуплена моментально, и заинтересованность в ней очень возросла. Я уже жила в Лондоне.

С тех пор я не занималась Ерофеевым, хотя, конечно, читала все возможные появлявшиеся материалы и работы о нем.

В 2019 году в мои руки неожиданно попала запись неопубликованного интервью, взятого у Венедикта Ерофеева в 1982 году британской слависткой Дафни Скиллен. Историю

находки, текст интервью и комментарий к нему можно найти в нашей совместной с Ильей Симановским публикации в журнале «Знамя»¹, а также в сборнике «Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве»².

Мои друзья и коллеги не раз заговаривали со мной о переиздании книги, но я не решалась вступить второй раз в ту же реку. Основных толчков для изменения моего отношения к вопросу о переиздании было два. Первым были полученные мною после публикации вышеупомянутого интервью в «Знамени» письма нескольких ученых с разных концов России с просьбой об экземпляре книги. Некоторые писали, что читали ее в Москве или Петербурге, в центральных государственных библиотеках, куда я послала ее в 1989 году. Но они хотели бы иметь исследование в своих университетских библиотеках, так как это важно для студентов. У меня больше не было экземпляров, но становилось ясно, что книга востребована. Рекорд нашей большой университетской библиотеки также свидетельствовал о ее популярности.

Второе, что на меня повлияло. В 1989 году я привезла в Москву экземпляр книги, попросив Василия Моксякова передать ее Венедикту Ерофееву. Но, как он мне объяснил, по нездоровью своему и Ерофеева он этой просьбы не выполнил. В 2019 году я в письме Илье Симановскому упомянула, что мне неизвестно, знал ли Венедикт Ерофеев о моей книге. Илья сразу прислал мне ссылку на интервью, взятое Ириной Тосунян. Я читала это интервью в «Литературной газете», когда оно появилось, но не знала, что оно было опубликовано с купюрами, восстановленными потом в полном тексте книги «Мой очень жизненный путь». Книга стояла у меня полке, но я интервью не перечитывала, полагая, что уже знаю его содержание. На вопрос Ирины Тосунян о рецензиях и статьях, написанных о «Москве — Петушках», строгий критик Ерофеев снисходительно-мягко отозвался о прекрасной статье Андрея Зорина, обругал

¹ Ерофеев В., Скиллен Д. «Я не спешу» // Знамя. 2019. № 10. С. 170–187.

² Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. С. 521–539.

публикации всех, кого надо и не надо: «Ни одной путной статьи», — и добавил с одобрением: «Только одна диссертация из Швейцарии»¹. Я почувствовала, как меня приподняло над землей, и, поплавав там несколько мгновений, я тихо опустилась на землю. Это был знак, что мое исследование и интерпретация текста отозвались в авторе пониманием и признанием. Как я узнала много позднее, Наталья Шмелькова привезла мою книгу Венедикту Ерофееву из Нью-Йорка поздней осенью 1989 года.

Но предлагаемое издание, скорее всего, так и не появилось бы на свет, если бы не вмешательство и деятельная помощь моего друга Марка Липовецкого. Моя благодарность ему неизмерима. Сердечная благодарность также Ирине Дмитриевне Прохоровой, за два дня прочитавшей книгу и приславшей очень теплый отзыв с выражением готовности переиздать ее в НЛО. И конечно всем сотрудникам НЛО, готовившим ее к печати. Last but not least — огромное спасибо Илье Симановскому за дружбу и всю его щедрую помощь.

Несколько предварительных замечаний

Редактируя книгу, я решила убрать из нее совершенно устаревшие части, например перечисление изданных к тому моменту произведений Ерофеева. Я оставила свой краткий библиографический обзор, чтобы было ясно, на основании какого материала я писала исследование. В остальном я не меняла текста: книга была написана более тридцати лет назад, и, конечно, если бы я писала ее сейчас, результат был бы совершенно иным. Но хотя есть расширенные комментарии, сборники статей и ценные свидетельства, эта работа остается пока единственной монографией, посвященной «Москве — Петушкам». В главном мое понимание и интерпретация текста Венедикта Ерофеева не изменились, и поэтому я надеюсь, что моя книга, став более доступной, даст, наряду с другими ценными работами, дополнительный толчок и стимул для дальнейших исследований этого поразительного произведения.

¹ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 511.

Москва-Пехи (она устаткована до Казани.
по поезму). В 62-63 г.г. - кавказ. ханства
в г. Владикавказ; рибний гонимий-розвідоч-
ний партия на Терек (Криматорск). С
1914 по 69. - монтажники кабельно-
телеграфних ліній зв'язу: Владикавказ,
Кавказ, Тамбовська, Пензенська, Бран-
ська, Саратовська, Горьковська, Гомельська,
Могилівська, Тульська обл., Литва. (Уз-
наченого в 69 році - імені прина-
длежності - "Благий виступ" - 69 г., згід-
но виконанням існуючих ліній і
схемати в Тульській обл. (Оно уз імені
свірепні сучасних: "Публіка армій-
наго плюс вивернутий нахману, Никит").
С 69 по 74. - восточ. на службі по-
рімоніу телегр.-каб. ліній зв'язу в Москов-
ській обл. (географіч. знамені зв'язали по
службі рибничих в 69. сына Віскупали,
Міжучу улою, в 68-69 г.г. писав для сина
зображення історичних історичних св-
тов, от древнійших врімін до врімін по-
вітряних: зображення в манері греч. масандрій-
ців, канцери, сонети, неусвідомленіх
дипломат, рибничих, вільних і вільних.
Блажених вост. улою імені рибничих
продукції імені імені використання улою
ристоклих півнів, Чудом улою (Мог.-Мог.)
"Чудом же не улою" "Вільний жос."